

башкирский полк был направлен в С.-Петербург. В связи с этим, намекая на возможность повторения волнения среди башкир, О.А. Игельстром просил разрешения на формирование еще одного полка из мещеряков.

К вполне серьезным последствиям происшествия следует отнести распоряжение Сената о приостановке, «по случаю нынешних обстоятельств», проповеднической деятельности в иноверческих селениях⁵.

Примечания

1. См.: Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995.
2. См.: Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 50–53.
3. См.: Побережников И.В. Слухи в социальной истории...; Он же. К истории русско-башкирского конфликта XVIII в. (роль слухов в башкирских восстаниях) // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале XVII–XX вв. Уфа, 1992. С. 81–93; Он же. Роль слухов в социальных конфликтах (волнения мусульманских народов Поволжья и Приуралья в 1878–1879 гг.) // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 183–188; Куприянов А.И. Великороссия и Сибирь – материк этнического спокойствия в море имперской конфликтности (1881–1904 гг.) // Новый мир истории России. М., 2001. С. 124–127.
4. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2753. Л. 1–4 об., 18 об.
5. Там же. Л. 5–5 об., 13 об.–14.
6. Там же. Л. 6–8 об., 9–10, 12–13, 17–30 об.

В.Д. Пузанов (СурГУ)

В.Н. ТАТИЩЕВ И БАШКИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1735–1736 гг.

В предыдущей статье (В.Н. Татищев и зауральский поход 1736 г. // Третьи Татищевские чтения... Екатеринбург, 2000. С. 70–72.) я уже писал о борьбе В.Н. Татищева с башкирским восстанием, до назначения его главой Оренбургской экспедиции. Материалы, найденные в фонде Сената РГАДА, позволяют раскрыть ряд неизвестных страниц биографии этого выдающегося государственного деятеля и ученого, связанных с его деятельностью на Урале в ходе башкирского восстания 1735–1737 гг., а также дают возможность увидеть жизнь уральского населения в это тревожное время.

26 июня 1735 г. В.Н. Татищев в доношении Сенату, сообщая о неспокойной обстановке на пограничье, частых набегах Казачьей орды на баш-

кир в течение зимы и весны, писал, что эти нападения не затронули заводы и русское население – «... мы всегда людей в Башкирии имея ничего опасного не видели». Однако, уже именно в это время по приказу В.Н. Татищева началась подготовка к отражению возможного нападения. При всех пограничных заводах Татищев приказал переписать и начать обучение всех мастеров и работников, «годных к обороне и солдатскому строю», а также учесть и собрать по слободам годное ружье. В результате этих мер удалось собрать более 1200 человек и свыше 500 ружей, из которых «за годные ни одной почесть нельзя»¹.

16 августа 1735 г. Татищев писал в Сенат, что несмотря на восстание башкир в европейской России, на Урале и в Зауралье «все смирно», что он связывал именно с военными приготовлениями на Уральских заводах – «... посылаемые от нас для проводывания сказывают, что они (башкиры), видя здесь устройство крепостей или острогов, заготовление артиллерии, обучение при заводах мастеров и работников солдатскому строю, более боятся, чтоб их не разорили, нежели о нападении думают».

В августе 1735 г. отряды башкир Сибирской дороги вышли на коммуникации Оренбурга и блокировали Исетский обоз в степи, чем едва не сорвали строительство крепости. 22 октября Татищев получил указ Сената от 9 сентября 1735 г., по которому предписывалось укрепить построенную И.К. Кирилловым Верх-Яицкую пристань и «магазинов провиантских» в Зауралье и в тот же день сообщил Сенату «по оному исполнять буду»². Урал и Зауралье, по первоначальному проекту И.К. Кириллова должны были стать оружейной и продовольственной базой для снабжения экспедиции и строительства Оренбурга. С этой целью в конце 1734 – начале 1735 г. на левом берегу р. Яика была построена крепость – Верхояицкая пристань, перевалочная база между заводами и слободами по Исети и строящимся первым Оренбургом на устье реки Орь.

22 декабря 1735 г. 5 тысяч башкир Сибирской и Ногайской дорог осадило обоз майора Шкадера из Теченской слободы в 30 верстах от Верхояицкой пристани, а затем не допустить его деблокады, подошедшим в январе 1736 г. из Приисетья Сибирским драгунским полком. Итогом стал отход обоза в Теченскую слободу и истребление восставшими голодающего гарнизона Верхояицкой крепости. Орденом генерал-лейтенанта Румянцева В.Н. Татищеву было поручено подавить восстание на востоке Башкирии. В.Н. Татищев приказал полковнику Арсеньеву совершить поход в районы озера Чебаркуль, вершинам р. Яик и на запасные базы повстанцев в горы Урала, «при оных местах построить редуты или острожки и укреплять крепостями... для пресечения между башкирами и Казачьей Орды согласия» и обеспечения подвоза к Оренбургу³. 13 марта корпус

под командованием полковника Арсеньева вышел из Теченской слободы. Весной – осенью 1736 г. на территории Зауральской Башкирии были построены Чебаркульская, Миасская и Челябинская крепости.

24 августа 1736 г. в доношении Сенату Татищев дал отчет о своих действиях. В 1735 г. на заводах были организованы постоянные караулы и посылались на границу вооруженные «партии» из мужиков, однако эти меры не смогли предотвратить распространение восстания в Зауральскую Башкирию, что Татищев связывал с отсутствием на заводах регулярных формирований – «за недостатком военных людей к покорности принудить не мог»⁴. После начала «больших разорений» уральских пограничных мест Татищев пытался мирным путем остановить движение за Уралом, в целях чего он послал к восставшим башкирам 2 аманатов с предложением принести повинную на имя императрицы, обещая что эта повинная будет милостиво принята.

Но, по признанию самого Татищева, эта попытка только усилила восстание – аманаты, выбравшись в башкирские волости, нарушили свои обещания и «на воровство подвинули, чрез что нападение настягчайше усилилось». По сообщению сибирской администрации в Сенат, во время весеннего похода 1736 г. на р. Миасс сибирских регулярных сил и крестьянского ополчения из слобод Урала и Зауралья, усилились башкирские набеги на сибирское пограничье – «в то время воры башкирцы многие пограничные села и деревни разорили... и людей побили, и побрали в полон, лошадей и скота отогнали многое число»⁵. В результате Татищеву пришлось пойти на крайние меры – остановить часть уральских заводов и «заводских начальников с мастеровыми людьми и крестьянами в оборону употребить». Однако и эти меры оказались недостаточными к «совершенному пресечению беспокойства», среди заводских ополченцев было мало опытных офицеров, «которые б служили и порядок в поступках с ворами оными знали».

Невозможность остановить восстание обороной заводов заставила Татищева летом 1736 г. перенести военные действия в башкирскую степь. Татищев, по его словам, решив с крупным отрядом вступить на территорию бунтующих башкирских волостей «намерение положил, что, выступя недалеко... стать в крепком месте, и партиями поиски чинить, а набеги пресечь. Перед началом похода его отговаривали «некоторые офицеры», говоря, что у многих крестьян нет даже саадаков, не говоря уже о ружьях, солдаты не имеют боевого опыта, многие драгуны и солдаты без коней. Еще одним возможным препятствием для проведения успешной операции назывались частые болезни самого Татищева. Но 13 июня 1736 г. «презрев оное» Татищев, собрав заводских управителей, мастеров и «доб-

рых мужиков» из заводского ополчения, мешеряков, ясашных черемис и солдат выступил из Екатеринбурга в Багаряцкую слободу, где собирались отряды крестьян из слобод. 15 июня заводской отряд из пришел в слободу, где были сделаны 6 знамен и 6 барабанов. Предварительно Татищев распространил слухи, что с ним идет войско в 8 тысяч солдат, а к повстанцам были отправлены еще 2 аманата с предложением прийти с повинной. В реальности силы Татищева насчитывали 1576 человек, среди которых основную массу составляли заводские крестьяне (1124 человека), а также 201 солдат, 73 человека мешеряков, чувашей и черемисов. Отряд имел на вооружении 590 единиц огнестрельного оружия различных систем, 219 саадаков и 745 копий. Таким образом большая часть русского отряда была вооружена холодным оружием.

18 июня Татищев отправил из слободы отряд из 5 сотен под командованием заводского управителя Калачева и прапорщика Назарьева за реку Синару, приказав идти до реки Течи «искать воров, чтоб их по сю сторону не оставить», а затем создать укрепленный лагерь у озера Кизылташ. 22 июня взяв артиллерию и припасы на полтора месяца Татищев с главными силами сам направился в этот лагерь. 25 июня, когда Татищев вышел к озеру, расставив по периметру телеги и усиленные караулы, к нему прибыли посланные аманаты, сообщившие что около 300 повстанцев, собравшиеся в 3 верстах от озера, готовы принести повинную и они уже послали к вождям восстания в Зауральской Башкирии Кутунаю и Юсупу с призывом сложить оружие. 26 июня пришел отряд Кутуная и башкирское собрание насчитывающее около одной тысячи человек просили у Татищева принять присягу на верность русской власти. 7 июля, считая, что «граница вся усмирена», Татищев взял новых аманатов у башкир и начал движение к Екатеринбургу, распустив ополчение из крестьян. Только отряд повстанцев Юсупа и Тюлкучуры продолжал сопротивление, однако башкирские старшины уверили Татищева, что и они скоро явятся с повинной в Чебаркульскую крепость, прося «чтоб я их не казнил, которое я им обещал».

В целом, действия Татищева привели к большому успеху русской власти в ходе усмирения восстания в Зауральской Башкирии, другое дело, что этот успех не стал окончательным, и в 1737 г. башкирское восстание за Уралом разгорелось с новой силой. Относительность своего успеха понимал и сам Татищев. 5 августа он писал полковнику Арсеньеву, что хотя на Урале все «успокоено и уже ближние (башкиры) почитай все у присяги были», но при этом остается реальной опасность нападения на сибирское пограничье сил Юсупа и представил развернутый план укрепления обороны слобод и деревень.

О действиях Татищева, руководившего действиями правительственных сил в Сибири в том числе и отрядом Арсеньева, Кириллов отзывался как об «очень осмотрительных», ставя ему в заслугу то, что он «вступая к башкирам в малолюдстве, почти с одними крестьянами, привел бунтовщиков в повиновение и два городка в удобных местах построил, почему на него и впредь насчет тамошнего отдаленного края надежда имеется».

Примечания

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 134. Л. 1.
2. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 134. Л. 59.
3. РГАДА. Ф. 214. Оп. 8. Ед. хр. 5177. Л. 6; Ф. 199. № 481. Т. 6. Л. 189–190.
4. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 134. Л. 170.
5. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 134. Л. 119 об.

Н.В. Суржикова (ИИиА УрО РАН)

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЗЛАТОУСТОВСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА: УСЛОВИЯ ТРУДА И СОДЕРЖАНИЯ

В результате Первой мировой войны на территории России возникло более 400 лагерей для иностранных военнопленных, в том числе 113 лагерей, подведомственных Казанскому военному округу¹. На Урале, в глубине тылу, размещались в основном бывшие австрийские, немецкие и венгерские военнопленные как менее «благонадежные», чем пленные славянских национальностей.

Первые партии пленных появились в пределах Уральского региона уже в 1914 г. Летом 1915 г. Уральским областным промышленным комитетом был проведен опрос среди предприятий на предмет дефицита работников. Выяснилось, что экономике края требуется как минимум 10 тыс. чел.² К этому времени в промышленности региона уже было занято свыше 4 тыс. пленных³. На 1 февраля 1916 г. в промышленном производстве Урала было задействовано почти 17 тыс. военнопленных.

Одним из первых на Урале пленных принял Златоустовский горный округ. В сентябре 1915 г. со станции Тундуш Самаро-Златоустовской железной дороги в округ прибыли 20 военнопленных, которые были определены на куренные работы⁴. За ними из Дарницкого лагеря, Катав-Ивановского завода и г. Красноярска последовали новые партии вражеских солдат.

По прибытии на станцию Златоуст все военнопленные разбивались на группы от 20 до 30 чел. и распределялись «для производства работ при